

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

Верхарн был первым из европейских поэтов, подошедших в упор к современности. Подход к современности для поэта опасен и труден. Опасен потому, что это ставка на жизнь, или поэт должен победить современность, или современность победит его, и тогда он окажется не поэтом, а только публицистом. Труден, потому что для этой борьбы поэт должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог бы увидеть всю современность сверху и целиком включенной в общее нарастание истории, как один из актов человеческой трагедии.

В те эпохи истории, когда религиозное миросозерцание давало точку опоры в самом небе и сводило все земные противоречия к одному жесту божественной жертвы, как в средневековые, поэту сравнительно легко было подняться на ступени того лобного места, откуда будет происходить Страшный суд, и с этой перспективы наметить план «Божественной комедии».

Совершенно иные трудности возникали для поэта вска неверия и материализма. Ему надо было создать свое небо, чтобы оттуда судить современность, воздвигнуть новую вавилонскую башню, чтобы с ее вершины взглянуть на расстилающуюся под ногами землю.

Верхарн не вышел победителем в этой борьбе. Современность раздавила и растерзала его на части. Его смерть под колесами паровоза была только символическим отображением того разрыва и смуты, что совершились в его душе во время войны. Он не предвидел взрыва темных и злых сил, которые на его глазах накипали в европейской культуре, и когда катастрофа произошла, он оказался духовно не над ней, а внутри ее. Но побежденные в панической борьбе нам бывают часто дороже победителей. Та борьба, которую Вер-

харн вел с современностью, была поистине титанична. Она была тем героичнее, что он вызвал на бой современность не только в ее духовных формах, что было бы сравнительно легко, но во всей сложности ее экономических направлений, во всех доспехах ее научного материализма, со всей ее армией чудовищ-машин.

Тайна того, почему ему, единственному из современных поэтов, удалось так долго и успешно бороться с современностью грудь с грудью и часто почти одолевать ее, в том, что этот «поэт современности» меньше, чем кто-либо, был человеком современности. Этот «апостол социализма», каким его хотели сделать, этот свободомыслящий и научный ум, каким он сам хотел быть, нес в себе средневековую душу, глубоко религиозную, мистическую, смиренную и буйную.

На улицах Лондона и Парижа он чувствовал себя совершенно так же, как Иезекииль чувствовал себя на улице Вавилона, и формы обыденной действительности разверзались для него на каждом шагу апокалиптическими прозрениями. Никто из европейцев не смотрел на современность более пророческими глазами и никто не бывал поражен такой пророчной слепотой.

Три поэмы Верхарна, переведенные мною, синтезируют его отношение к современности. В первой поэмс, являющейся фронтисписом к книге «Город-Спрут» (я сохранил ей это имя — она называется «La Ville»), Верхарн вызывает видение апокалиптического Лондона, в «Душе Города» он вскрывает патетический дух европейского города в его прошлом и намечающемся будущем, в «Завоеванье» поет литанию мировому обмену — Золоту. Конечно, эти три поэмы — только малая часть верхарновского захвата, но они дают представление о его размахе и о характере его пафоса.